

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВЕДЕНИЯ

В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ
НАУК В.Ф. ВОЛОВАЧА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ТОМСК - 1996

МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА В КОНСТИТУЦИОННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

И. А. Кравец

Трансформация государственного строя России с принятием Манифеста 17 октября 1905 года вступила в качественно новую фазу своего развития. С Манифестом стала связываться вся система конституционных: либерально-демократических преобразований. Как бы ни относиться к последующим правовым актам государственной реформы начала века, несомненно, что Манифест 17 октября свидетельствовал о признании со стороны авторитарных сил успехов освободительного движения и правом их оформления. Он содержал в себе черты и политического, и правового акта.

В исторической литературе на первое место выдвигается его общеполитическое значение. В нем видят не столько правовой акт, сколько документ, закрепляющий политические успехи освободительного и революционного движения. С ним обычно связывают первую победу революции. От него ведется отчет институционализации и легализации всего спектра политических партий России. Правовая природа Манифеста 17 октября подвергалась анализу сразу же после опубликования его текста русскими государствоведами, историками, представителями многообразных политических партий и социальных течений, и на всем остальном протяжении истории не раз служила точкой пересечения как совпадающих, так и различных мнений.

Во взглядах на правовую природу Манифеста 17 октября можно выделить два основных направления, к которым так или иначе примыкают все авторы книг, статей и брошюр об этом "эпохальном" для России акте.

Одни авторы присваивали ему характер "правового обещания" (С. А. Корф) или видели в нем "иерархический приказ" правительству выработать определенные реформы или известную программу законодательных реформ, которая возлагалась Манифестом на правительство (Н. И. Лазаревский). Объединяющим моментом отмеченных точек зрения, которые в целом соответствовали общему "духу" обнародованного акта, была мысль о том, что Манифест не столько устанавливал формальное право, сколько провозглашал правовые принципы, которые необходимо облечь в точные законодательные нормы. Такое понимание Манифеста, особенно в части "основ гражданской свободы", отчетливо сознавалось, например, П. Н. Миллюковым, историком с мировым именем, лидером кадетов. (Миллюков П. Год борьбы. 1903-1906. СПб., 1907. С. 74).

Другие авторы видели в Манифесте правовой акт, устанавливавший конституцию. П.Струве утверждал, что это "новый основной закон империи" (Полярная звезда. 30 декабря 1905г. 13). Известный юрист В.М.Резаев говорил, что положения Манифеста являются законом и они должны быть внесены в основные законы (Полярная звезда. 5 января 1906г. 34). В свою очередь, К.Пашитнов заявил, что "Манифест является первым государственным актом, со времени которого, если не по существу, то формально можно было говорить о конституции в России". (Собрание. СПб., 1907. 512). В целом следует признать, что большинство русского общества в 1905-1907гг. утверждало, что Манифест есть конституция.

Оба отмеченных направления сходились в том, что в Манифесте 17 октября видели акт конституционного характера. Такое толкование Манифеста определялось тем, что в нем впервые в истории конституционного движения в России легально был сформулирован основной принцип "конституционного государства" или "конституционного режима": ни один закон не может быть издан иначе, как с согласия народного представительства.

Из положения п.3 Манифеста, в котором и был оформлен этот принцип, следовало два вывода: во-первых, Манифест устанавливал принцип единства закона: законом считается лишь тот акт, который одобрен Государственной Думой; монарх единоличной властью не может издать закон; во-вторых, Манифест провозглашал принцип верховенства закона, обусловленную им подзаконность указа и административной деятельности вообще (К.Н.Мироненко). Помимо этого в области управления народным представителем предоставлялось право надзора за закономерностью действия правительственной власти, хотя принцип ответственности министров непосредственно в тексте Манифеста не провозглашался. С другой стороны, Манифест ничего не говорил о таких существенных правах всякого народного представительства, как бюджетные права.

Содержательная характеристика Манифеста 17 октября позволяет установить его идейные истоки. При различии взглядов отдельных авторов, по-видимому, более убедительной является точка зрения, согласно которой "идейными истоками" Манифеста были требования "освобожденных", сформулированные в проекте Основных законов

Российской империи, издаваемом в Париже в конце 1904 года, под редакцией П. Струве (К.Н. Мироненко). Основные идеи этого проекта были выдвинуты на съезде земских и городских деятелей 15 сентября 1905г., постановления которого явились непосредственным источником, откуда были заимствованы основные положения Манифеста. (Право. 1905. №37). Поэтому, благодаря именно деятельности "освободителей" и защитников конституционалистов, из общей "атмосферы" освободительного и революционного движения ~~выкристаллизовались~~, обрели плоть и кровь те конституционные требования, которые легли в основу Манифеста 17 октября.

В советской и российской исторической и юридической литературе при неоднозначности взглядов оценка Манифеста 17 октября базируется на признании того обстоятельства, что он провозглашал начала буржуазного конституционализма. (Р.П. Ганелин, К.Н. Мироненко, Е.Д. Чорленский).

Вместе с тем существовали специфические черты Манифеста, его особенности по сравнению с западноевропейскими и американскими аналогами. Специфика русского варианта "декларации прав" заключалась как в содержательной стороне Манифеста, так и в порядке его принятия. Провозглашал неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов, Манифест, во-первых, ничего не говорил о праве собственности и ее неприкосновенности. Во-вторых, по сравнению с "классическими" принципами буржуазного конституционализма Манифест 17 октября не содержал в своем тексте, бесспорно, одно из важнейших демократических прав – равенство всех перед законом. (Н.И. Заоплueva, Г.Б. Гальперин, А.И. Королев).

Другой "оригинальной" чертой Манифеста был его неоспоримо октроированный характер. Это был акт, юридически исходящий исключительно от главы государства – российского монарха, несмотря на сложность перипетий его возникновения. Как акт с юридической точки зрения дарованный, он вместе с тем не составлял собственно "конституцию" России. Краткость Манифеста скорее заставляет признать его не столько дарованной конституцией, сколько одним из тех правовых актов самодержавной власти, которые предшествуют октроированным конституциям и являются часто введением к ним или их частью (Б.Князковский).

Манифест 17 октября стал первым конституционным актом России, открывшим конституционную эру развития российского государства и общества.